

Содержание

Глава 1. Новый старый способ: сделай сам	5
Глава 2. «Да» звучит намного лучше	10
Глава 3. Пообещал — сделай	18
Глава 4. Зажги свой внутренний свет	35
Глава 5. Прыгай — и тебе подстелют соломки	44
Глава 6. Заходи через черный ход	60
Глава 7. Три правила «как»	74
Глава 8. Есть просто обезьяны	84
Глава 9. Сила страстной увлеченности	98
Глава 10. Когда, если не сейчас?	116
Глава 11. Помогая одному, помогаешь многим	124
Глава 12. Неудача, неудача, неудача, успех. При необходимости повторить.	136
Глава 13. Что, если нет ничего невозможного?	148
Глава 14. Что заставляет вас утром вставать с кровати?	168
Глава 15. Революция против абсурда: ваша очередь.	182
<i>Выражение благодарности.</i>	<i>200</i>
<i>Об авторе</i>	<i>207</i>

Маме, папе и памперсам —
Вы сделали невозможное возможным.

Каски, Ангусу, Бо и Трейсу —
Вы делаете невозможное возможным.

*Когда вы думаете, что что-то можете,
и когда вы думаете, что не можете этого,
в обоих случаях вы правы.*

Генри Форд

Новый старый способ: сделай сам

Прошло уже три дня, как нас отпустили из полицейского участка, а мне до сих пор не по себе от этой истории. Сложно не стать параноиком, когда тебя арестовывают только за то, что ты сфотографировал тележку у дома.

В Джубе, старой столице молодого африканского государства Южный Судан, который день льет дождь, хотя сейчас должен быть сухой сезон. По сравнению с другими населенными пунктами страны Джуба вполне тянет на город, но даже здесь практически нет асфальтированных дорог, поэтому первое, что бросается в глаза, — это жуткая грязь, причем не та «нормальная», коричневая грязь, к которой мы привыкли, а какая-то вязкая черная жижа, в которой ноги расползаются сразу во все стороны. Прохожие то и дело падают, перемазываются по самые уши, а потом спокойно поднимаются и как ни в чем не бывало идут дальше.

Падение в грязь никого не расстраивает, наоборот, оно вызывает у окружающих смех. Сначала такая реакция поражает, но потом понимаешь, что она несет в себе глубокий смысл.

Ты падаешь и смеешься — потому что жив.

Такова жизнь в зоне боевых действий. По крайней мере, такой она мне показалась за те несколько дней, которые я здесь нахожусь. На долю этих людей выпали такие ужасы и страдания, что, думаю, их волнуют более важные вещи, чем грязь на одежде.

Дожди не прекращаются. Больше всего меня беспокоит то, что власти могут не дать нам разрешения на вылет. Они говорят, что наш самолет слишком тяжелый, а взлетно-посадочные полосы сильно

размыло, поэтому мы не сможем приземлиться в Йиде — лагере для 70 тысяч беженцев недалеко от границы с Суданом. При мысли об этом я начинаю медленно сходить с ума. Все последние несколько месяцев работы были посвящены только одному — поездке в Йиду.

А теперь мы в буквальном смысле слова застряли в грязи и ждали с моря погоды.

Пока мы этим страдали, у меня было время поразмышлять над «безумством, которым мы занимаемся», поскольку его с трудом можно назвать миссией и даже планом. Но у нас по крайней мере есть четкая цель. Мысль отправиться в Африку пришла мне в голову несколько месяцев назад, когда я прочитал заметку о Даниэле, суданском подростке, потерявшем во время бомбардировок обе руки. Примерно в то же время я узнал о возможности создания простых и недорогих протезов рук при помощи лазерного 3D-принтера.

Именно тогда у меня родилась идея сделать такие протезы для Даниэля.

И я решил попробовать ее осуществить.

За время пребывания в Джубе я познакомился со многими людьми, и хотя внешне их жизнь вернулась в обычное русло (занимаются своими делами, едят, пьют, ходят в гости и стараются не упасть в грязь), во всем этом чувствуется оттенок нервозности и беспокойства. Вооруженный конфликт на границе Судана и здесь, в Южном Судане, до сих пор не урегулирован и в любой момент может вспыхнуть снова, что создает реальное напряжение в воздухе. Оно даже ощущается на вкус.

Эти люди познали ужасы бомбардировок. Они видели, как у детей отрывало руки, как гибли их жены, мужа и родители — без какой бы то ни было причины. В присутствии этих людей возникает ощущение надвигающегося несчастья — как запах дождя перед штормом.

Вчера мне сказали, что здесь в каждом доме есть АК-47 (автомат Калашникова). Может, это и преувеличение, но все равно такая ситуация пугает.

На днях мы фотографировали окружающую местность, чтобы задокументировать «безумство, которым занимаемся» и убить время в ожидании разрешения на вылет. Нас обступила местная ребятня и на разных языках (благо, переводчики были рядом) стала галдеть: «Фото! Фото! Сфотографируйте меня!»

Когда мы делали снимки местной хибары — небольшой хижины со стоящей перед ней синей тележкой, к нам подошел мужчина в комбинезоне цвета хаки и очках-авиаторах и что-то сказал о фотосъемке. Не успели мы опомниться, как нас доставили в полицейский участок и заставили давать объяснения, чем мы, собственно, занимались.

До меня вдруг дошло, как мало я знал о Южном Судане и о том, что мы затеяли.

По профессии я не медик. И не эксперт в области 3D-печати. И я не много знаю об Африке, о вооруженных конфликтах, Народной армии освобождения Судана и том, что имеет отношение к нашему «безумству».

Я — продюсер. Работаю над фильмами и телевизионными шоу, занимаюсь анимацией и графикой, снимаю рекламные ролики и трейлеры, создаю видеопroduкцию по заказам клиентов и все такое прочее. Кроме того, я руковожу своей компанией и курирую несколько коммерческих и некоммерческих проектов.

Поэтому после того, как нас отпустили и дальше прохлаждаться в грязи Джубы, в воздухе повис один вопрос.

Какого черта я здесь делаю?

Он не давал мне покоя еще в самолете, но я упорно пытался его игнорировать. Мы вылетели в Йоханнесбург на день позже, потому что моя собака Джорджия, рыжая красавица породы боксер, которая была мне преданным другом на протяжении шестнадцати лет, умерла, а я не мог уехать не попрощавшись. Целый день мы терзались сомнениями, что нам делать. Усыпить ее, чтобы я успел на рейс? Это было как-то нехорошо, поэтому я решил отложить поездку, а к вечеру, когда стало ясно, что Джорджия уходит, мы позвонили врачу и все вместе — моя жена Каски, трое сыновей и я — с ней попрощались.

Врач пришел не в девять вечера, как мы договаривались, а в 21:37 — ровно через три минуты после того, как Джорджия каким-то чудесным образом «воскресла» и стала слоняться по дому в поисках еды и воды. Когда врач появился на пороге, она дико его облаяла, чего обычно никогда не делала, и он сказал: «Я не могу ее сегодня усыпить. Она еще не готова».

Мы восприняли это как благоприятный для поездки знак. Но в самолете за чтением книги «Огненный дождь» (They Poured Fire on Us from the Sky) — душераздирающей истории о трех суданских подростках, я впервые осознал, куда мы на самом деле направляемся. В Судане шла гражданская война между племенами, которые нещадно уничтожали друг друга, насиловали женщин и детей, издевались над стариками. К журналистам там относились, как к назойливым москитам с той лишь разницей, что от журналистов было легче избавиться. Я мысленно представил себе, как произношу свои последние слова «Я не журналист», и понял, что не готов к такому повороту событий.

Но потом я подумал о том, что два года провел в компании удивительных людей — безумцев, одержимых фантастическими идеями. И именно Not Impossible Labs (лаборатория «Невозможное возможно») сподвигла меня на эту поездку. Я создал эту компанию для решения нерешаемых медицинских проблем по принципу «сделай сам» — без дорогих технологий, крупных страховых выплат и прочей гигантомании. Мы вникаем в суть проблемы, изучаем ее технические стороны и разрабатываем простые, общедоступные устройства, а потом бесплатно их распространяем.

Люди, ставшие частью моей жизни и помогавшие мне не сбиться с этого тернистого, сумасбродного пути, называют себя хакерами и мейкерами. Теперь я тоже себя так называю.

Вот о чем эта книга. Она о том, как сделать невозможное возможным.

За окном иллюминатора моросил дождь. Загипнотизированный мигающей красной лампочкой на крыле самолета, я задумался о принципе «сделай сам». Эта концепция такая же устаревшая, как ткацкий станок, и такая же передовая, как 3D-принтер. Говорят, что она даже меняет законы, по которым работает американская экономика. Насчет экономики не уверен, но я точно знаю, что она меняет законы, по которым работаю я. И стандартный образ мышления.

По профессии я продюсер и мог бы спродюсировать эту поездку: найти средства, нанять персонал, спланировать маршрут, изложить перед командой миссию и цели, быть чирлидером, кнутом, пряником и всем тем, чем занимается исполнительный продюсер. И тогда я смог бы помахать всем ручкой и искренне пожелать им счастливого пути.

Но на каком-то этапе концепция «сделай сам» все же предполагает личное участие. Поэтому вместо продюсирования поездки я сел в самолет и отправился в дождливую и грязную тьмутаракань, чтобы сделать то, чего раньше никогда не делал.

Через несколько часов я приземлюсь в Йоханнесбурге. В лучшем случае мне понадобится неделя, чтобы научиться печатать протезы на 3D-принтере — технология, которую мои сотрудники разрабатывали и совершенствовали последние несколько месяцев. Чтобы отвлечься, я переключил внимание на фильм «Невидимая сторона», в котором героиня Сандры Баллок усыновляет бедного подростка-афроамериканца и помогает ему стать звездой американского футбола. В конце фильма я плакал, и слезы медленно катились по моим щекам в унисон с каплями дождя на иллюминаторе. Я всегда плачу за просмотром фильмов в самолете. Возможно, это связано с нарушением ритмов организма, нехваткой кислорода, чувством собственной беспомощности от парения в большой металлической капсуле на высоте 10 тысяч метров и слепой верой в благополучный исход всего этого мероприятия.

Но, по правде говоря, мне кажется, что я плакал по другой причине.

После фильма я решил немного пройтись по салону, чтобы размяться перед посадкой. Слева по борту поднималось солнце. Начинался новый день — для меня новый во всех отношениях. Позади остался Лос-Анджелес, где мои мальчишки впервые готовились без меня встретить Хэллоуин, а возможно, и День благодарения. А впереди — я понятия не имел, что меня ждало впереди.

И в этот переходный момент между прошлым и будущим в моей голове возник все тот же волнующий вопрос: что привело меня в это место, где мне предстоит совершить прыжок в неизвестность; где наперекор всему и всем я собираюсь осуществить то, что считается невозможным; где мне предстоит пройти через решающее испытание?

Могу ли я на самом деле сделать невозможное возможным?

И могу ли научить этому других?

Не знаю.

Но я знаю одно: ради этого я собирался в прямом смысле слова рискнуть своей жизнью.

«Да» звучит намного лучше

Хотел бы кое-что прояснить.

Я не собирался быть парнем, который отправляется в Судан с 3D-принтером, чтобы сделать кому-то протезы. Не собирался создавать фонд и компанию для решения «нерешаемых» медицинских проблем или собирать с этой целью команду хакеров, художников, поэтов, философов и авантюристов всех мастей.

Я не собирался открывать силу «Да» или жизненной концепции «невозможное возможно». Не собирался открывать ее влияние на материальное и душевное благополучие, хотя со временем сила «Да» стала единственной путеводной звездой, освещающей мне путь и помогающей принимать верные решения.

Ничем таким я заниматься не собирался.

Я собирался заниматься серфингом.

Приближался канун нового, 2000 года и нового тысячелетия (пуристы считают, что на самом деле новое тысячелетие наступит в 2001 году, но я как-то не испытываю необходимости привязывать свою жизнь и дела к пуристам). Мы с женой решили отметить это знаменательное событие в Коста-Рике и отправились в мини-отпуск в Маль-Паис — крошечную деревушку на побережье Тихого океана.

Там мы оказались на самом краю цивилизации, и это было именно то, чего мы хотели. Спускаясь на внедорожнике к океану, мы то и дело съезжали в придорожную канаву, чтобы не задавить детей, возвращавшихся с пляжа, которые одной рукой лихо управляли мотоциклом, а другой держали доску для серфинга. Для них день

уже заканчивался, а для нас только начинался, и это тоже создавало ощущение какой-то нереальности.

Маль-Паис — отличное место для серфинга «на гребне волны». С самого детства я любил драйв, и, если в том, что делал, не было хоть немного опасности, хотя бы легкого ощущения прыжка в неизвестность, мне это было неинтересно.

В бизнесе тоже нужно уметь рисковать. Если вы все время беспокоитесь о том, что у вас ничего не получится, то вряд ли добьетесь успеха. Серфинг на больших, нестабильных волнах — это лучшее напоминание о том, что нужно жить только настоящим моментом и думать только об успехе. Если вы начнете в себе сомневаться, то уже не сможете прыгнуть в волну.

Жена читала книгу, а я готовился словить очередную волну и чувствовал себя превосходно. Во время серфинга случаются моменты, когда солнце отражается от воды тысячами разноцветных кристаллов, легкий ветерок разносит по воздуху брызги волн, все вокруг тихо и спокойно, и ты понимаешь, что это единственное место на Земле, где тебе хотелось бы находиться.

А потом вдруг появляется большой волосатый детина и орет: «Эй! Здоров! Как дела?» — и портит всю идиллию.

Нет, кроме шуток. Если вы уезжаете в маленькую заброшенную деревушку за тысячи миль от повседневной суеты, то, наверное, хотите побыть наедине с собой, а не в компании орущего верзилы с ярко-оранжевыми затычками в ушах.

Оглядываясь назад, я вижу в этом моменте что-то кармическое. Я пытался окружить себя и свой мир высокой стеной, а ее взяли и бесцеремонно разрушили. Теперь я понимаю, что это был знак судьбы, предвещавший все, что должно было со мной произойти, и все, чему мне предстояло научиться.

Но это теперь. А тогда я просто подумал: «Заткнись. Проваливай. Не мешай мне наслаждаться этим моментом».

Не сработало.

— Уби! Уби! — продолжал орать мне незнакомец.

Сначала я подумал, что он говорит по-испански. Я неплохо знаю испанский, но не понимал, что это означает.

— Уби! Ты? — пытался он перекричать шум волн. — Уби... я?

Я не знал, что ему ответить.

— Извините, я не понимаю, — ответил я по-испански.

— Я сказал, что меня зовут Уби, — заорал он в ответ. — А тебя? Надо же.

Мы немного поболтали, дрейфуя на досках в ожидании подходящей волны. Уби оказался вполне приятным малым. Шумным, напомните вы, но это из-за затычек в ушах, а в остальном действительно приятным малым. Чем дольше мы общались, тем больше я корил себя за то, что мысленно обозвал его идиотом, укравшим мой личный серф-спот. Я имею в виду, что был всего лишь туристом, приехавшим сюда на несколько минут раньше его, а вел себя так, будто это был мой собственный пляж. Спрашивается, кто из нас идиот? К счастью, Уби был таким добродушным и общительным, что любое напряжение, которое я мог проецировать, смывало с него, как песок прибрежной волной. Мы вместе серфинговали несколько часов, как вдруг я заметил, что моя жена Каски сидит в тени большой, разросшейся пальмы не одна, а в компании какой-то женщины — по всей видимости, спутницы Уби. Так оно и оказалось.

Когда мы наконец выбрались на берег, он представил мне ее как свою девушку. Она была просто ослепительна: высокая, стройная, с роскошными волосами и прекрасной кожей — в общем, само совершенство. В моей голове пронеслась та же мысль, которая проносится в голове любого мужчины, встретившего красотку с внешностью топ-модели в компании достаточно заурядного парня: «Какого черта она с ним делает?»

Я понял это позже, когда мы решили прогуляться и выпить. Уби оказался одним из самых веселых и обаятельных людей, которых я когда-либо встречал. Он был даже крупнее, чем казался в воде, — ростом под метр девяносто и весом не менее ста килограммов, но его индивидуальность в два раза превосходила эти размеры.

Мы провели с ними весь оставшийся день и вечер. На следующее утро, когда мы спустились завтракать и Уби энергично замахал нам рукой, приглашая к нему присоединиться, я почувствовал, что начинаю уставать от такого тесного общения. Со времени знакомства с Уби и его девушкой нам с Каски удалось побыть наедине не более пяти минут, а ведь у нас все-таки была романтическая поездка, поэтому я извинился и мы сели за другой столик. Его лицо так вытянулось, что подбородок чуть не упал в миску с хлопьями. Только